

ГЛАВА ПЯТАЯ

Внегерманские государства в XII и XIII вв. — Окончание крестовых походов

Прежде чем перейти к изложению дальнейшей трагической судьбы дома Штауфенов, следует бросить беглый взгляд на развитие остальных европейских государств и общеевропейской жизни в «*период крестовых походов*», как называют время между 1096 и 1270 гг., по наиболее выдающемуся и характеризующему это время явлению.

Внегерманская Европа. Скандинавия.

В это время христианство уже распространилось по всей Европе и господствовало всюду, проявляясь в государственной и общественной жизни народов как нравственное начало, всеми признанное и всем одинаково доступное. Язычество — в смысле верования в языческих богов и служения кумирам — было искоренено даже там, где оно держалось долее и упорнее всего, т. е. и в *Скандинавии*, и на *славянском Северо-Востоке*. *Норвегия*, как отдаленнейшая страна европейского Севера, по своему положению и по природным условиям принимавшая наименьшее участие в общей европейской жизни, поставила одного ратника в общую рать Христовых воинов — короля норвежского *Сигурда* (1103–1130), и даже там имя священного для христиан города «Иорсала» производило на умы чарующее, обаятельное действие. Король Сигурд немало времени провел в своем благочестивом странствовании, сражался с сарацинами и в Португалии, и в Сицилии, и на обратном пути из Иерусалима оставил часть своих дружинников на службе у греческого императора в Константинополе, где подобные скандинавские наемники издавна были обычным явлением. Надо заметить, что условия исторической жизни на этом отдаленном севере складывались весьма неблагоприятно: в стране, слабо населенной и скудной по плодородию почвы, были нескончаемые раздоры то между королями из-за права наследования, то среди народа, в котором возникали различные партии, беспощадно преследовавшие друг друга. Времена морских набегов в больших размерах — выселения викингов в иные страны — уже миновали. Учреждение местного архиепископства в Норвегии, в *Тронхейме*, на берегу одноименного фиорда (1152 г.), мало повлияло на улучшение этих диких нравов. Только при *Хоконе IV* на народном собрании в Бергене (1223 г.) престолонаследие было окончательно установлено, и тот самый король, который в течение долгого правления (1217–1263) способствовал умиротворению страны, в 1247 г. был коронован папским легатом. Влияние духовенства стало возрастать и в этой отдаленнейшей стране: с 1274 г. епископам было дано право участвовать в законодательстве, и законы в это время королем *Магнусом VI* были собраны в некий сборник. В *Швеции* введению христианства противились шведы, жившие в северной части полуострова, даже когда оно уже окончательно укоренилось у живших на юге

готов. И здесь летописи переполнены не имеющими никакого значения именами королей и претендентов на их престол и описаниями бесплодной борьбы между ними. Несомненно, что в этой борьбе некоторое значение имела и племенная вражда, т. к. столетний период между 1150 и 1250 гг. почти сплошь занят войнами между готским родом Сверкеров и шведским родом Бондов¹. Около 1253 г. власть получил представитель рода Фолькунгов, *Биргер*² — могущественнейший из *ярлов*, или наместников, которые, подобно германским графам, были первоначально коронными чиновниками, а затем стали независи-

Шведский воин XII в.
По фреске в церкви
Аменехардс-Рада
(Швеция).

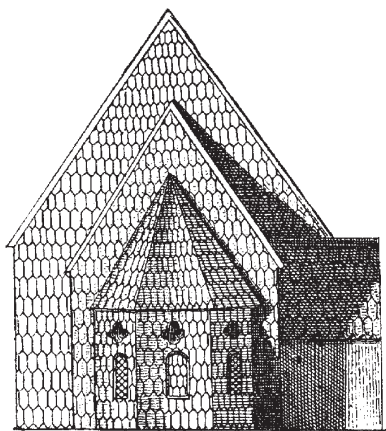
симы от короля и обратили свой сан в наследственное достоинство. Он пользовался *de facto* королевской властью, и старший его сын *Вальдемар* носил королевский титул. С введением христианства и церковной иерархии, по мере того как общественная жизнь начинала складываться на новых началах, в Швеции стал крепнуть аристократический элемент. Единственным завоеванием шведских королей была *Финляндия*, куда с 1157 г., со времен Эрика Святого, проникло христианство. В *Дании*, по географическому положению привлеченной к участию в политических событиях немецкого северо-востока, все еще держалась династия, которая в 1047 г. достигла власти в лице Свена Эстридсена. Здесь дела вскоре приняли оборот, который в значительной степени способствовал быстрому развитию такой же могущественной знати, как и в Германии. В церковном отношении Дания была независима от Германии уже с 1104 г., т. е. со времени учреждения самостоятельного *архиепископства Лундского*, а ленная зависимость от империи, хотя и была возобновлена при императоре Фридрихе Барбароссе, вскоре утратила всякое значение. Собственно право престолонаследия не было окончательно установлено в Дании, однако короли избирались постоянно из членов одного царствующего дома. Правом избрания пользовались дворянство, рыцари и немногочисленное высшее духовенство. Завоевания Дании на южном берегу Балтийского моря начались с *Вальдемара I*, прозванного *Великим* (1157–1182), которому ставилось в заслугу искоренение язычества на острове Рюген; продолжались они и при *Кнуте VI* (1182–1202), который титуловал себя «королем Датским и Славянским» и состоял в родственных отношениях с вельфским и французским царственными домами. Наибольшего могущества и наибольшей военной силы из датских королей достиг *Вальдемар II* (1202–1242), неоднократно воевавший и вступав-

¹ Ошибка переводчика. Имеется в виду род Эриков. Бонды — не род, а имя нарицательное: свободные крестьяне, имевшие земельный надел. (Ред.)

² Это тот самый Биргер, которого на берегах Невы так сурово наказал новгородский князь Александр Ярославич за его дерзкую попытку обращения в католичество уже просвещенных христианами новгородских данников.

ший в союзы с северными немецкими князьями. Он воспользовался внутренними междоусобицами Германии и борьбой за германский престол и сумел добиться того, что Фридрих II добровольно уступил ему во владение земли по ту сторону Эльбы (Любек в последние годы царствования Кнута был уже датским городом), и затем распространил свою власть до самых берегов Финского залива, где водрузил свой «Даннеброг» — датское знамя с белым крестом на красном поле — даже на пустынных берегах отдаленной *Эстонии*. Выше говорилось, как северные князья и немецкие города после долгой борьбы добились от Вальдемара возвращения заэльбских владений, переданных ему Фридрихом II. Эта борьба окончилась поражением, положившим предел завоевательным стремлениям Вальдемара, который последние годы жизни провел в мире и тишине, занимаясь внутренним устройством своего государства, которому, между прочим, оставил сборник законов. Вскоре после его обнародования Вальдемар умер (1242 г.). Из его преемников следует еще упомянуть об *Эрике Клиппинге*, которого в 1283 г. составшая знать вынудила ограничить его власть ежегодно созываемым совещательным собранием. После этого, конечно, аристократический элемент усилился. Низшие слои населения отступали на задний план перед крупными землевладельцами, и крепостная зависимость, постепенно усиливаясь в Дании, дошла в XIII в. до того, что народ впал в рабство и люди покупались и продавались вместе с землей, как рабы. Большие заботы прилагались к обработке земли, но городская жизнь была мало развита, и даже город *Копенгаген* (Kjøbenhavn — собственно: купеческая гавань) только в XIII в. стал приобретать некоторое значение.

Весьма важными для *английской* истории были те два века, в течение которых происходили крестовые походы: в это время в результате слияния победителей с побежденными образовалась английская нация. Когда в 1154 г. умер король *Стефан*, четвертый со времени завоевания Англии норманнами, ему наследовал *Генрих II* (1154–1189), первый из дома *Плантагенетов*, сын графа Жоффруа Анжуйского от его супружества с Матильдой, вдовой императора Генриха. Он женился на *Алиеноре*, с которой развелся Людовик VII, французский король, и благодаря этому браку приобрел обширные владения на юго-западе Франции, присоединив эти владения — Пуату и Гиень — к прежде принадлежавшим ему графствам Анжу и Мен, а все эти графства к Нормандии. Владея третью Франции и нося английскую корону, он стал ленным владыкой (сюзереном). К тому же в 1171 г. на основании папской буллы он

Церковь XIII или XIV вв. в Эдсхульте (Швеция). Западный фасад.

Церковь деревянная и крыта также деревом, что типично для средневековой Швеции.

Англия с 1066 г. при Плантагенетах.

завладел и Ирландией, а в 1174 г. король Шотландский также признал его верховенство и принес ему присягу в верности. При этом могущественном короле раздор между королевской и духовной властью разразился и в Англии, где его старательно избегали. Король Генрих II неуклонно держался издавна принадлежавшего ему права избрания епископов и вообще всех прав,

Генрих II Английский (1154–1189)
и его супруга Алиенора Аквитанская. Статуи с гробниц в аббатстве Фонтевро.

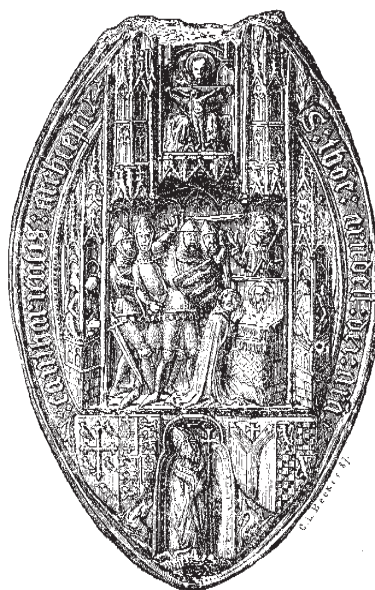
представлявших высший надзор за внутренней жизнью государства. В этом смысле были созданы и так называемые *Кларендонские положения*, которые были утверждены в 1164 г. на собрании светских и духовных сановников. По этому акту в ответ на высокомерные притязания духовенства каждое провинившееся духовное лицо должно было подлежать королевскому суду. И архиепископ Кентерберийский, *Томас Бекет*, бывший канцлером и ближайшим советником короля и им же возведенный в примасы королевства, также подписался под этим актом, но затем подал апелляцию папе и бежал на материк, откуда повел борьбу против нового направления, на котором настаивал король и светские власти.

Затем последовало примирение, чисто внешнее и лицемерное. Томас Бекет возвратился в Англию на прежнее место, но тотчас отлучил от церкви тех духовных лиц, которые держали сторону короля. Тогда король вскипел гневом и воскликнул: «Клянусь очами Божьими (таково было его любимое присловье), неужели же из всех, кто пользуется моими милостями, не найдется ни одного, который решил бы защитить меня от подобных оскорблений!» Несколько из приближенных к нему рыцарей, услышав это, решились в угоду королю на страшное дело: четверо из них убили епископа Кентерберийского в его соборе во время служения. Это событие вооружило против короля все духовенство: могила Томаса Бекета сделалась предметом поклонения, и когда в 1173 г. Томас Бекет был формально причислен к лику святых, сам король Генрих II должен был отправиться на поклонение его могиле. Здесь он принес полное покаяние: принял даже бичевание от священников, и только тогда был удостоен разрешения от греха (1174 г.). Затем и неприятные папе пункты были

исключены из «Кларендонских положений». Этот раздор с церковью пагубно отозвался на домашней жизни короля Генриха II: его старший сын Генрих восстал против него, а последние годы его жизни были отравлены усобицами между младшими сыновьями: Генрих и Джеффри скончались еще при отце, а вступил на престол следующий за Генрихом Ричард в 1189 г. В истории

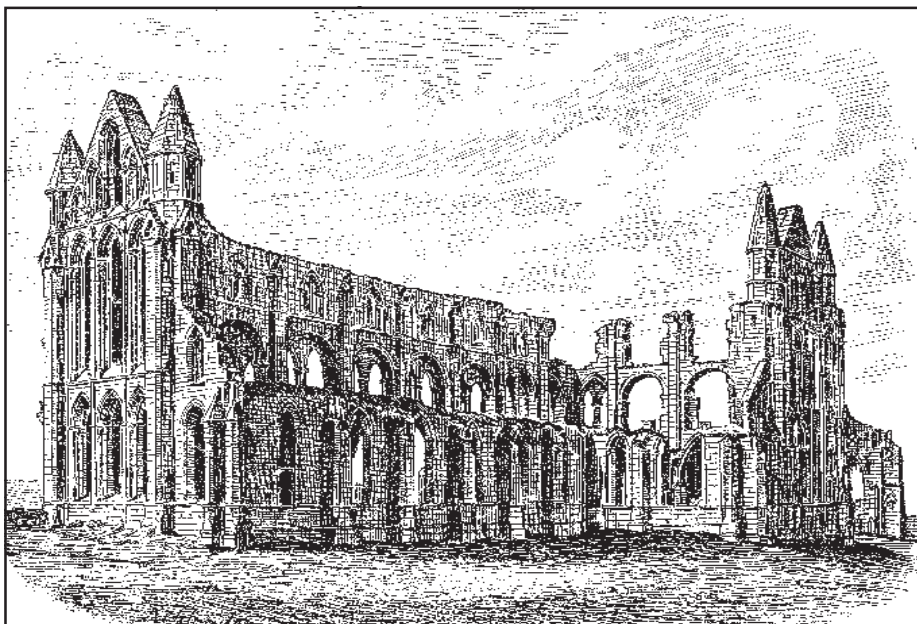
Митра Томаса Бекета.
XII в. Сокровищница собора в
Сансе.

Убийство Томаса Бекета.
Печать архиепископа Кентер-
берийского. Скорее всего,
середина XIV в.

Англии король *Ричард I* является и по своим доблестям, и по своим порокам образцом рыцаря: недаром он получил свое прозвание — *Львиное Сердце*. Но как правитель, он был далеко не замечателен. Вернувшись в Англию, он принимал очень малое участие в управлении страной, а больше был занят нескончаемыми усобицами со своими вассалами. Во время одной из таких усобиц он и скончался, смертельно раненный стрелой под стенами одного замка в Лимузене (1199 г.). Гораздо более важно для Англии, и не для одной только Англии, было царствование его преемника и брата *Иоанна* (1199–1216). В бытность своего брата в Палестине Иоанн стал во главе недовольных, которые боролись против поставленного Ричардом в наместники епископа Вильгельма Илийского и наконец свергли его. Однако недовольство баронов обратилось против самого Иоанна, когда внезапно скончался его племянник *Артур*, сын старшего брата, а потому имевший более прав на престол, нежели Иоанн. Артур уже был признан королем в южнофранцузских влады-

ниях королевства Плантагенетов, и потому на Иоанна пало тяжкое подозрение в смерти Артура. В то же самое время возобновилась и церковная распря по поводу замещения кентерберийской архиепископской кафедры. Папа Иннокентий III хорошо знал, как непрочна была власть этого страстно-прихотливого, безнравственного короля. Он наложил *интердикт* на страну вследствие того, что Иоанн не хотел признавать предложенного кандидата. Король Фран-

Развалины Кентерберийского аббатства. Гравюра по фотографии XIX в.

цузский, Филипп-Август, которому невыносимо было могущество Плантагенетов, поспешил пойти войной, вторгнувшись в Англию. Однако Иоанн, не желая оправдывать насмешливой клички «*Безземельного*», данной отцом младшему сыну, отвратил от себя опасность решительной мерой: он заявил, что готов принять свои владения в качестве лена от папы. Этот торжественный акт был совершен в 1213 г., и папский легат, архиепископ *Стефан Лэнгтон*, снял отлучение с короля. Таким образом, французам не удалось высадиться, но не так легко было Иоанну поладить с оппозицией магнатов, которым Иннокентий приказывал не противиться отныне его леннику. Иоанн, только что вернувшийся после поражения при Бувине, предложил им предоставить дело решению папы и надеялся править по-прежнему, благодаря поддержке такого союзника. Но противная сторона тоже умела постоять за себя. Лондонские горожане, которых как граждан главнейшего города в стране именовали баронами или магнатами, примкнули к врагам короля, и ему ничего не осталось,

как пойти на уступки. Он прибыл из Виндзорского дворца на луг Раннимед и подписал договор, предложенный ему баронами (1215 г.).

Это была «*Великая хартия вольностей*», ограждавшая гражданскую свободу, «*Magna charta libertatum*», направленная против королевского и церковного произвола, охранявшая права не только дворянства, но и всех классов населения и представлявшая собой род конституции, свидетельствуя об исчезновении розни между норманнами и англосаксами. Этот обширный документ от 19 июня 1215 г. включал 63 статьи, которыми устанавливалось: свободное избрание епископов; устранение незаконных притязаний верховного ленного владыки. Повышение налогов (за некоторыми исключениями) допускалось отныне лишь с согласия высшего совета, членами которого должны были состоять непосредственные ленники короля, бароны и епископы королевства. Обычное право осталось в силе, при постоянном заседании суда в Вестминстере. Решение споров по ленным вопросам предоставлялось судам графств, состоявшим из коронных чиновников, но в присутствии четырех рыцарей. Собственность признавалась неприкосновенной: у свободного лица — его свобода и имущество; у купца — его товар; у несвободного — его земледельческие орудия. Свободный подвергался приговору лиц своего сословия, следовательно — суду присяжных, и не подлежал обыску. Город Лондон и другие города сохраняли свои старинные привилегии; всякие произвольные пошлыны возбранялись; в мерах и весах вводилось единообразие; иностранные купцы имели свободный доступ в страну; недавно огражденные леса не признавались частной собственностью. Провозглашалась амнистия; комиссия из двадцати пяти баронов королевства — в том числе и лондонский мэр — должна была наблюдать за выполнением и впредь всех статей этой великой освободительной грамоты. Иннокентий подверг отлучению баронов и лондонских граждан и отрешил архиепископа Лэнгтона, участвовавшего заодно с ними в таком «развратном» деянии. Тотчас же разгорелась борьба из-за хартии; король вскоре умер (1216 г.), но при его сыне *Генрихе*, вступившем на престол 9-летним ребенком, эта конституция вошла в силу, хотя зависимость государства от папы и связанные между собой

Magna charta.
1215 г.

Иоанн Безземельный (1199–1216). Статуя с гробницы. Хранится на клиросе Вустерского собора.

Печать Иоанна Безземельного (1199–1216). XIII в. Париж.

Национальный архив.

Изображает Иоанна с моделью церкви в руке.

Генрих III Английский
(1216–1272). Статуя с
гробницы в Вестминстер-
ском аббатстве в Лондоне.

Франция
со времен
Филиппа I.

Печать Симона де Монфо-
ра (ум. 1265 г.). Лондон.
Британский музей.

папские и королевские притязания еще долго не переставали посягать на нее. Все продолжительное царствование Генриха занято этой борьбой против хартии и войнами с Францией. Английский историк Макколей замечает, что при счастливом исходе этих войн для французов центр всего могущества перенесся бы во Францию, и Англия обратилась лишь в провинцию сильного французского государства. Если же военные действия закончились бы для французов потерей областей по эту сторону Гаронны, то главным государством стала бы Англия. Но в борьбе за конституцию победа осталась за вдохновителями и сторонниками великого освободительного уложения. Со своим вожаком, *Симоном де Монфором*, они прибавили к этой хартии еще статут, так называемый «Оксфордский указ», крайне ограничивающий королевскую власть. При возникшей по этому поводу новой борьбе Симон де Монфор, «капитан» партии баронов, пришел к решению, важному по своим последствиям; он созвал уполномоченных от рыцарства, от городов и от «пяти пэров» для совместного заседания в *парламенте* с баронами. Могущество этих собраний, хотя еще не окрепших, проявилось уже в противодействии царствовавшему тогда дому, как, например, при вопросе о проекте, придуманном Иннокентием IV из-за его ненависти к Штауфенскому дому. Согласно этому плану младший сын Генриха III Эдмунд должен был получить корону Неаполя и Сицилии. Предприятие осталось даже ненастным благодаря разумному отпору парламента, осудившего такую авантюрную политику и отказавшего в выдаче денег (1257 г.).

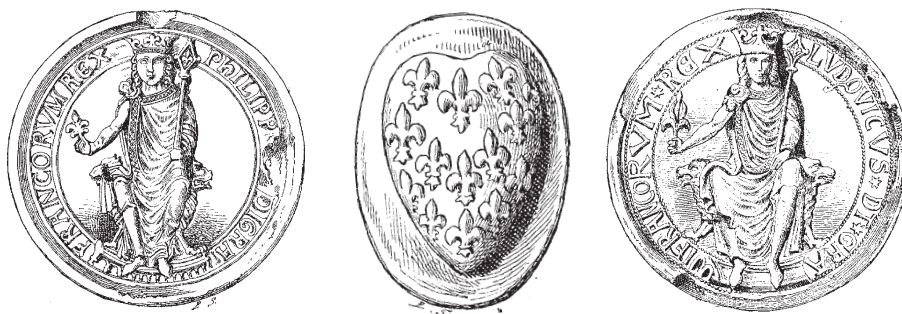
В то время как в Англии местная аристократия в соединении с демократическими городскими элементами приобрела большое значение, одержав вышеупомянутую победу над королевским полновластием или неограниченным произволом, — во Франции заметно скорее обратное направление в царствованиях *Филиппа I* (1060–1108), *Людовика VI* (1108–1136), *Людовика VII* (1136–1180), *Филиппа II Августа* (1180–1223), *Людовика VIII* (1223–1226) и *Людовика IX Святого* (1226–1270). Ни в одной стране не возбудила такого энтузиазма мысль о крестовых походах, нигде не держалась она так упорно, но королевская власть извлекла из этого не столько

пользы, как могло показаться. При трех первых из упомянутых королей до 1196 г. у короны не было никакого значительного лена. В продолжение всего этого периода магнаты были очень могущественны: народная жизнь протекала в обособленных и своеобразных пределах, и мысль о завоевании Святой земли нашла первых и усерднейших ревнителей среди крупных землевладельцев. Но еще со времен Хлодвига французское духовенство искало у королей покровительства против посягательств светских вельмож. Так, аббат *Сугерий* из Сен-Дени призывает Людовика VII вернуться из крестового похода (богоуднейшего из церковных дел), чтобы «не оставлять долею стада на произвол волков». Два царствования, *Филиппа-Августа* (1180–1223) и *Людовика Святого* (1226–1270), особенно замечательны. При воцарении первого половина страны, которую мы зовем теперь Францией, была в руках англичан. После начала войны оба короля, Филипп-Август и Ричард Английский, соединились для общего крестового похода, причем Филипп более удачно выбрал

Печать Генриха III Английского
(1216–1272).

Лондон. Британский музей.

Справа: печать короля Филиппа-Августа (1180–1223). Слева: две печати короля Людовика VIII (1223–1226).

Сугерий из Сен-Дени. С витража XII в.

присягу. В этом сражении ему помогли и общинные войска. Весть о победе вызвала общую радость во всей стране; в этом движении впервые заметен проблеск общего национального чувства во французском народе. Папа, прежде сильно недовольный Филиппом за то, что тот без достаточной причины развелся со своей супругой, датской принцессой, и затем, не обращая внимания

Бланка Кастильская и Людовик Святой.
Париж. Музей Клуни.

Футляр слоновой кости для зеркала. XIII в.
Хранился в сокровищнице королевского
аббатства Сен-Дени.

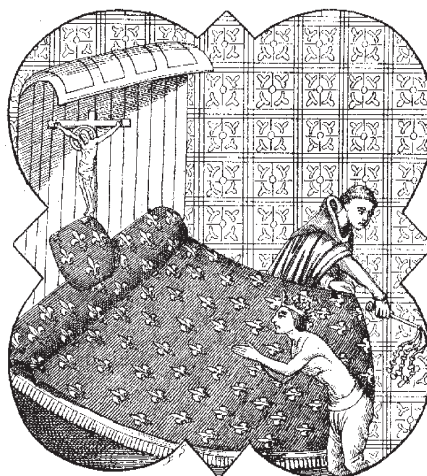
Правление Людовика IX.

держал при себе в мешочке у пояса тонкие цепи, которыми его духовник часто бичевал его нежное тело), было тем не менее искренним и глубоким. Он всерьез принимал свое королевское призвание, был проникнут идеей справедливости, которую уважал всегда, даже в ущерб своему личному интересу. Прежде всего в сферах, непосредственно зависевших от короны, он ввел правильные судебные уставы, совершенно устранил судебные поединки. Далее

время для своего возвращения, нежели Ричард. Филипп-Август был прямым, твердым, последовательным правителем и сумел, в качестве верховного судьи, заставить и короля Англии Иоанна — по закону его вассала — признать после битвы при Бувине (1214 г.) его, Филиппа, права: он доказал ему, что принудит каждого из своих баронов, будь он хоть король Английский, уважать принесенную присягу. В этом движении впервые заметен проблеск общего национального чувства во французском народе. Папа, прежде сильно недовольный Филиппом за то, что тот без достаточной причины развелся со своей супругой, датской принцессой, и затем, не обращая внимания на папские увещания, вступил в новый брак, думал сначала воспользоваться им как орудием против Иоанна Английского. Этот завоевательный поход не состоялся, вместо того на юге Франции вспыхнула *альбигойская война*, которая особенно усилилась при внуке Филиппа Людовике IX. Во время регентства вдовы Людовика VIII, испанской принцессы *Бланки Кастильской*, в 1229 г. был заключен договор с графом Тулузским, который передавал свое богатое, но разоренное войной графство французской короне. При Филиппе-Августе уделы последней были уже столь обширны, что ни один из главнейших вассалов не мог единолично восстать против нее.

Правление *Людовика IX* было одним из благодетельнейших. Благочестие этого короля, хотя и носившее, согласно духу времени, монашески-аскетическую окраску (он постоянно

он определил порядок обжалования приговоров баронских судов перед королевским судом, или прямую подачу ему жалобы, королю, весьма внимательно вникавшему во всякое дело и обладавшему несомненной, прирожденной способностью судить. Учреждение указанного порядка вскоре вызвало общее сочувствие уже потому, что король часто присуждал вздорных жалобщиков к денежным штрафам. Возможность подачи таких апелляционных жалоб при убеждении, что «никто не стоит так высоко, чтобы нельзя было и его притянуть к королевскому суду», пробуждала в народе несокрушимое сознание права. Правоведение, развиваясь далее на основе римского права, усвоило уже понятие о *causae regia*, особых обстоятельствах, подлежащих суду самого короля, почерпнув также из римского кодекса понятие о преступлении «против Величества». Частные распри не прекратились, но повсюду — в области административной, податной, полицейской, законодательной — водворился «государственный строй», средоточием и венцом которого был король. К нему обращались взоры всех, и от него все ожидали решающего слова в бесчисленном множестве случаев. К такому устройству государства были привлечены, прежде всего, крупные вассалы: герцоги Нормандский, Гиенский, Бургундский, графы Шампанский, Тулузский и Фландрский. Эти шесть светских «пэров Франции» с равным числом духовных сановников: архиепископа Реймского и епископов Бове, Шалона, Нуайона, Лана и Лангра, — составляли верховный королевский совет, постоянно имевший значительное, но не тормозящее влияние на ход дел. В 1259 г. Людовик заключил договор с Англией, причем выказал разумную государственную сдержанность: он добровольно уступил английскому

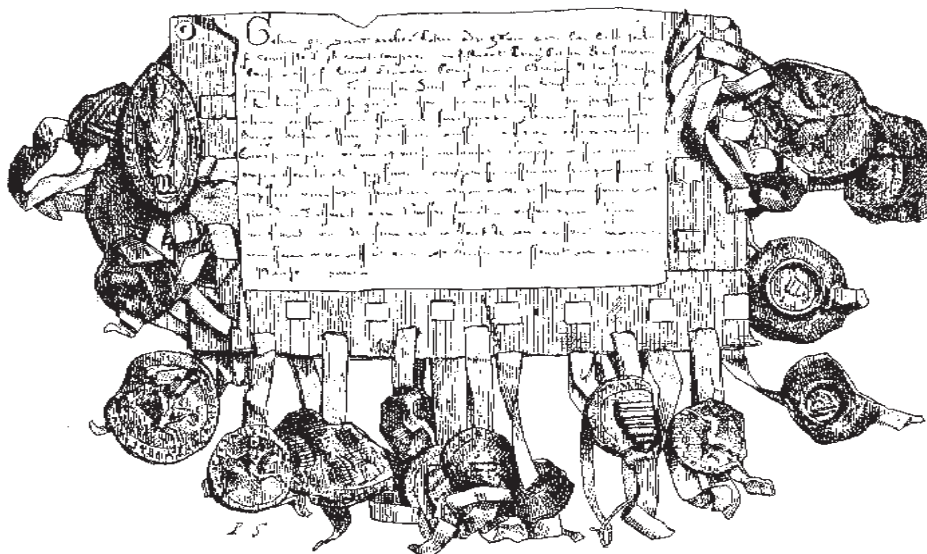

Духовник Людовика IX производит бичевание короля. По миниатюре XIV в.

Слева: Святой Людовик. Со статуэтки XIII в., представлявшей собой часть за престольного украшения в церкви Сен-Шапель. Справа: Маргарита Прованская, супруга Людовика IX. Со старинного рисунка, изображающего ее статую в церкви Пуасси, ныне не существующую.

королю несколько областей, и тот присягнул ему на верность, отказавшись от всех своих прав на Нормандию, Анжу, Турень, Мен и Пуату в пользу французской короны. Большой славе Людовика служит то, что его строгое понятие о праве и долге не покидало его и в отношениях к церкви, несмотря на всю его набожность, на которую духовенство возлагало слишком много надежд. Иннокентий IV в своей борьбе с римским императором забывал всякую меру:

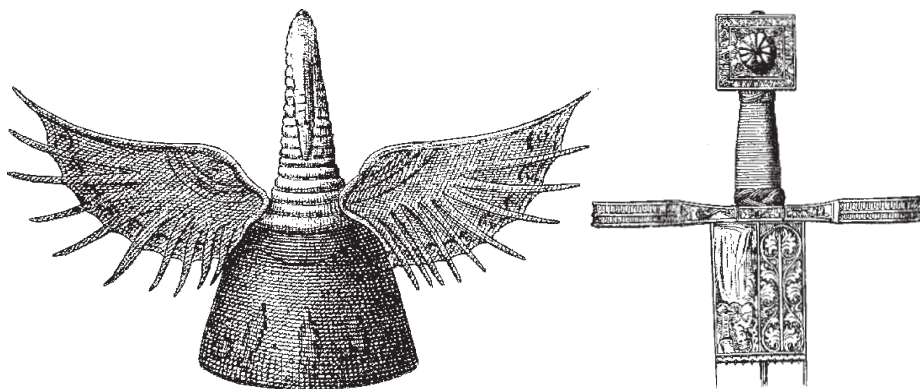
Грамота Людовика IX. Окружена печатями магнатов, также подписавших ее.
Париж. Национальный архив.

духовные средства борьбы — отлучения и интердикты — позорно употреблялись для вымогания денег, в которых безгранично нуждались, по-видимому, эти, хотя и не семейные, духовные лица. Но в 1247 г. именно во Франции образовался крупный союз высшего дворянства для отпора становившимся нестерпимыми притязаниям церковников. Незадолго до своей смерти, в 1269 г., Людовик издал постановление под именем «Прагматической санкции», которой с точностью определялись церковные отношения и все притязания духовных лиц принудительно заключались в известные границы. Таким образом Людовик сумел защитить свое королевское достоинство и своих подданных даже против такого могущественного папы, как Иннокентий IV.

Христи-
анство и
ислам.

Благочестие Людовика просияло с особой силой, которая могла пристыдить остальной мир, еще в одном деле: с его именем связаны последние попытки освобождения Святой земли из-под власти неверных. Отношения христианских государств к мусульманскому миру, составлявшие *восточный вопрос* того времени, принимали разнообразные формы. Их нельзя назвать решительно враждебными, потому что при всем своем превосходстве руково-

дящие классы европейского общества испытали влияние этого мира по окончании так называемых крестовых походов. Непосредственное всего это влияние отражалось на *Пиренейском полуострове*, где необходимость борьбы с исламом служила побуждением к созданию государства. Победа христианства в *Испании* произошла именно в эту эпоху. Из четырех христианских государств, которые можно признать существующими в это время на полуос-

*Шлем Хайме I Завоевателя (слева), короля Арагонского (1213–1276).
Эфес меча Фердинанда III (справа), короля Леона (1230–1252).*

трове, т. е. королевств *Наваррского, Арагонского, Кастильского и Португальского*, последнее образовалось позднее всех и именно в этот период. Один из кастильских королей, *Альфонс VI*, передал отнятую им у арабов на нижнем Дуэро область своему зятю Генриху Бургундскому из дома Капетингов в наследственное владение (1109 г.). После победы над маврами при Орики (1139 г.) преемник Генриха *Альфонс I* был провозглашен королем Португалии. Он и его наследники продолжали теснить мавров, получая иногда помощь, как уже было рассказано выше (1147 г.), от проходивших войск крестоносцев, постепенно расширяя свои владения к югу до гор Алгарви и далее. Эта борьба, в которой принимали участие и тамплиеры, и иоанниты, придала аристократический характер государству: на сословных собраниях, которые созывались в *Ламегу*, лежавшем к югу от среднего Дуэро, представители городов отступали на задний план. *Кастильское* королевство расширялось тоже за счет арабов, и здесь, как и в Португалии, постоянные битвы привели к созданию рыцарских орденов по образцу палестинских и проникнутых подобно им духом аристократической независимости, основанной на твердой организации ордена и громадности его владений. Таковы были ордена *Калатравы* (1157 г.), *Сантьяго* (1175 г.) и *Алькантары* (1219 г.). Несчастная система наследственных разделов, обессиливавшая королевскую власть, была уничтожена лишь *Фердинандом III* (1230–1252), который установил закон о нераздельности Кастилии, Леона и Галисии. При нем у арабов были отняты

вся долина Гвадалквивира, область Андалусия и часть Мурсии, прилегающая к Средиземному морю: мусульмане вынуждены были ограничиваться юго-восточной частью полуострова — *Гранадой*. Фердинанд положил основание судебному уложению, установил порядок престолонаследия и учредил верховное судилище как высшую апелляционную инстанцию; но третьему сословию трудно было одержать здесь верх над грандами, которые превратили свой

Испанский лагерь.

По миниатюре из рукописи конца XIII в. Мадрид, библиотека Эскуриала.

обычай противоречить королю в формальное право и, состоя большей частью в союзе с духовенством, держали города и села в полнейшем подчинении. Земли, отвоеванные *арагонскими* королями у мавров, повысили значение сначала ничтожной области. В 1118 г. арагонцами была взята и превращена в столицу *Сарагоса* на среднем Эбро. Благодаря удачному браку (1137 г.) к Арагонскому королевству было присоединено графство Каталонское, чем было положено основание действительно сильному государству, а король *Хайме*, или *Яков I* (1213–1276) упрочил это могущество, отняв у мусульман Майорку, Валенсию и часть Мурсии. Здесь, в приморских местностях, города занимали более независимое положение наряду с дворянством, духовенством и оброчным сельским населением. Уже в XII в. они высылали своих представителей на арагонские сеймы.

**Восток.
Латинская
империя.**

В то время как на Западе христианство и следовавшие за ним действия по созданию государств начали переходить из обороны в наступление, тесня мусульман, обреченных лишь на затруднительную оборону, на Востоке происходило обратное: наступательные действия, которым дается название кресто-

вых походов, решительно не удавались. Прежде всего оказалась несостоятельной *Латинская империя*, от которой можно было ожидать поддержки христианским колониям, основанным в Палестине. В то время как упомянутый Федор Ласкарис был признан императором в Малой Азии и избрал своей резиденцией Никею, почти напротив самого Константинополя, первый из латинских императоров, *Балдуин*, умер в болгарской темнице в 1206 г. Ему наследовал его брат *Генрих*, человек очень способный, с которым вступил в союз король Фессалоникийский, маркграф Бонифаций, для совместного действия против болгар и непокорных греческих подданных. Но Бонифаций был убит в сражении против болгар (1207 г.), а его голова как трофей представлена их царю *Ивану Калояну*. Для упрочения франкского господства на Востоке было необходимо предварительное соединение римской и греческой церкви, но этому упорно противилось местное население, и многоначалие в «Романии» с бесконечными раздорами различных владельцев препятствовало как этому, так и всякому шагу вперед. Вскоре после того, как Фессалоникийское королевство подпало под власть деспота Эпирского, пятый из этих бессильных государей, *Балдуин II*, вынужден был умолять Запад о помощи, и жалкое его положение достаточно видно по тому, что он должен был заложить драгоценнейшую из реликвий, терновый венец Спасителя. Но помощь с Запада не пришла, и уже в 1261 г. исполнились судьбы Константинополя, не устоявшего перед нападением императора *Михаила VIII* или одного из его военачальников. Некоторые из государств, основанных на древнегреческой территории, имели свой кратковременный период расцвета: таковы были *герцогство Афинское* и *княжество Ахайя*, но только венецианцы извлекли долговременную выгоду из предприятия, задуманного их великим согражданином и проведенного им с практическим применением благочестия и расчетливой сметкой.

Для великой цели собственно крестовых походов Латинская империя была лишь помехой. Срок перемирия, заключенного императором Фридрихом II, истек в 1239 г., и борьба возобновилась. В этом же году *король Наваррский Тибо* и некоторые другие крупные владетели предприняли крестовый поход; в следующем году английские войска под начальством графа *Ричарда Корнуэльского*, брата короля Генриха III, высадились в Акре. Первое из этих предприятий не имело успеха, при втором Ричарду удалось заключить мир путем переговоров с Айюбом, сыном ал-Камиля, благодаря чему было освобождено много

Рыцарь XIII в.
в одежде крестоносца. По миниатюре из рукописи XIII в. Лондон. Британский музей.

Сирия
и Египет.

пленных франков (1241 г.). Но через три года Айюб принял в свои войска тюркских наемников, «хорезмийцев», которые вели войну так жестоко, что при их приближении христиане со своим патриархом во главе бежали из Иерусалима, предоставив его без боя варварской орде, и город навеки был утрачен для христианства. Войска христиан еще раз соединились, но потерпели позорное поражение при *Газе* в 1244 г. Соединение иерусалимской короны, отня-

Французский королевский дом.

Слева направо: Святой Людовик, по миниатюре XIII в. — Париж, Национальный архив; Карл Анжуйский (1220–1285), брат Людовика IX; Пьер, граф Алансонский (ум. в 1283 г.), сын Людовика IX; Роберт, граф Клермонский (ум. в 1317 г.), сын Людовика IX — по статуям с гробниц в Сен-Дени.

той у Штауфенов, с кипрской в 1246 г. мало помогло делу; можно было предвидеть полное уничтожение христианского господства в Сирии в весьма близком будущем. Такое положение дел очень заботило Иннокентия IV. Проповеди в пользу крестовых походов возобновились, все христианское духовенство было обложено сбором, сам папа и кардиналы жертвовали десятую часть своих доходов, но Иннокентий подорвал успех предприятия борьбой с императором и постыдным злоупотреблением крестовым знаменем и крестоносческими обетами. Настроение правящих классов в Европе было охлаждено неудачами; началось критическое отношение к делу, и новый поход подготовлялся без воодушевления, можно сказать, даже с явным несочувствием. Чтобы побороть затруднения, требовался авторитет личности, подобной Людовику IX, и проникнутой его глубокой религиозностью. Он возобновил теперь обет, данный им во время тяжелой болезни, и в 1248 г. поход состоялся.

В сентябре Людовик со своим рыцарством на генуэзских судах прибыл к острову Кипру. После долгого обсуждения было решено напасть на *Египет*. Войско село на суда в феврале 1249 г. Высадка у Дамьетты совершилась благополучно: мусульманская армия очистила поле без большого сопротивления, оставляя французам столь важный пункт, как Дамьетта. Усились еще прибывшими отрядами паломников, Людовик двинулся в поход вверх по течению Нила, к Каиру, но войско, передвижение которого, весьма трудное, велось до крайности неумело, попало в Нижнем Египте, пересеченном каналами, в крайне тяжелое, отчаянное, безвыходное положение. Сам король, его брат и многие рыцари должны были сдаться в плен после того, как неприятельские войска, с новым страшным отрядом их, *мамелюками*, беспощадно расправились с нижними чинами армии. Многих из взятых в плен и не дававших надежды на выкуп или отказывавшихся принять мусульманство обезглавливали на месте. Королю удалось заключить перемирие, но ценой громадного выкупа. Дамьетта была сдана вновь, и многие из уцелевших крестоносцев вернулись на родину. Людовик с небольшим числом преданных лиц морем отправился в Акру. Раздоры и смуты, господствовавшие в мусульманском лагере не менее, нежели в христианском, помешали победителям воспользоваться поражением крестоносцев, и Людовик, которого его мать Бланка тщетно убеждала возвратиться, пробыл в Сирии до 1254 г. В трогательном послании к подданным он просит их не оставлять неоконченным богоугодное дело. Это воззвание послужило лишь источником новых бедствий. Высшие классы остались равнодушны, но низшие воспламенились фанатизмом. В диком опьянении несбыточными мечтами тысячи людей собрались в громадные полчища, мнившие себя призванными к освобождению Святой земли. К ним примкнул всякий сброд, и скоро эти толпы, презиравшие всякую подчиненность, даже в отношении духовенства, потянулись из места в место, всюду внося опустошение и разбой. Даже после того, как они рассеялись, потеряв своего вожака, воспоминание об ужасах, совершенных этими «*пастушками*» (*pastorelle*), только усилило общее нерасположение к крестовым походам. После возвращения Людовика во Францию положение дел в Палестине стало еще безнадежнее, тем более что большие итальянские города — Венеция, Генуя и Пиза — перенесли свои торговые распри в Сирию, где и так не было недостатка в раздорах. Христианские колонии временно держались благодаря опасности, которая угрожала магометанским государствам со стороны монголов, с которыми христиане вступили теперь в дружественные отношения. Но с 1260 г. им стал

Шестой
крестовый
поход.
1248 г.

Печать
королевы Франции Бланки
Кастильской.

угрожать новый опасный враг в лице мамелюкского султана *Бейбарса*, который, умертвив айюбидского султана, присоединил Сирию к Египту и утвердился в обеих странах. Он завладел в 1265 г. Цезареей, в 1268 г. — Яффой, в том же году — Антиохией, захватывая так один за другим все местные города.

Такие бедствия заставили французского короля прибегнуть к последним средствам. Снова были пущены в ход пружины, которыми оживлялись умы в течение двух последних столетий. Собралось войско. Другие государи: король Наваррский Тибо, король Арагонский, брат Людовика, Карл, — новый властитель Сицилии, руки которого еще не были омыты от крови последнего Штауфена — возложили на себя крест. Последнее обстоятельство, т. е. участие сицилийского короля в этом походе, имело, по-видимому, решающее значение в плане военных действий: было решено идти сначала на Тунис, одолеть тамошнего эмира или обратить его в христианство и тогда уже двинуться на Египет. Но предприятие не удалось после нескольких незначительных успехов. Климат оказался губительным для войска: 3 августа 1270 г. умер сын короля Людовика, а через несколько недель и сам Людовик, слабое здоровье которого было совершенно неспособно противостоять трудностям похода с самого начала этого предприятия. С кончиной короля померк священный характер похода, который завершился договором, даровавшим христианскому духовенству право свободного отправления обрядов своей религии в тунисских владениях; сверх того, эмир принял на себя обязательство выплачивать известную дань новому королю Сицилии, подобно тому, как он прежде платил ее Штауфену.

Так закончилась эта экспедиция, которую слишком громко называют «*седьмым крестовым походом*» (1270 г.). Прежде, нежели успело завершиться столетие, пал, после отчаянного сопротивления, и последний оплот христиан в Палестине — хорошо укрепленная, многолюдная и богатая *Акра* (1291 г.).

Печать регентства во Франции
во время седьмого крестового
похода.